

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

- *Мультикультуральность и возможные стратегии идентичности в современном образовании*
- *Формирование взглядов в образовании – идентичность и мультикультурность*

Мультикультуральность и возможные стратегии идентичности в современном образовании

М. А. Гусаковский, кандидат философских наук, доцент

Обсуждается ситуация кризиса идентичности в современных постсоветских странах. Предлагаются стратегии образования, заимствованные из современных социокультурных практик, которые способны помочь становлению новой, возникающей идентичности.

Multiculturalism and Possible Identity Strategies in Modern Education

M.A. Gusakovskiy, PhD in Philosophy, Associate Professor

The identity crisis in post-Soviet states is discussed. By drawing parallels with contemporary socio-cultural practices, strategies are proposed to create a new emerging identity through education.

Современный постсоветский индивидуум, как в Беларуси, так и в России, не живет в мультикультурном обществе. И дело не только в том, что у него нет опыта жизни в таком обществе, для него оно попросту не существует. Действительно, если представитель старшего или среднего поколения постсоветского социума в значительной мере продолжает жить в пространстве и опыте «империи», и формой его идентификации является «новая историческая общность – советский народ», то молодое поколение со своим опытом Интернет и массовых коммуникаций живет в виртуальных обществах, топическая локализация которых вообще с трудом поддается какой-нибудь социокультурной идентификации.

Настоящее, как известно, результат констелляции, сочетания нового и структур прошлого. Человек живет в традиции, мало задумываясь о ее природе и происхождении. Как пишет английский социолог Зигмунт Бауман, «... трудно заметить то, об отсутствии чего даже не помышляешь; о вещах вспоминаешь только тогда, когда они исчезают или выходят из строя: нечто должно утратить свою привычную «данность», чтобы начались исследования его сущности, происхождения, полезности и роли» [1, с. 177]. В результате произошедших с советским обществом трансформаций, как социум, так и индивидуум утратили свои «образы» и системы социокультурных ориентаций, говоря языком современной социологической, гуманитарной науки, – утратили идентичность. Эта ситуация на языке социально-психологической науки описана как кризис идентичнос-

ти. Два социальных факта красноречиво свидетельствуют об этом – утрата «метанарративов» и исчезновение общих, разделяемых всеми ценностей. За этим утверждением лежит одно, еще более фундаментальное положение – признание возникновения, существования, разрыва традиции. За этим признанием, в свою очередь, следует еще один радикальный вывод – если прежняя культурная традиция, за которой стояло определенное смысловое единство, прервалась, то необходимо строить нечто новое. Отсутствие коллективных представлений вызывает к творчеству. Как напоминает нам З. Бауман, тревога и отчаивание, страх и мужество, отчаяние и надежда рождаются вместе.

Предметом данной статьи является опыт размышления об условиях возможности становления новой идентичности в постсоветском пространстве и определения возможного места образования в этом процессе.

Мультикультурализм и интернационализм

Мультикультурализм и интернационализм представляют собой два принципиально различных вида социокультурных политик. В основу интернационализма, в той форме, в которой он присутствовал в Советском Союзе, была положена структура «мы и они», и принципиальной стратегией выступала стратегия отождествления, которая формировалась действиями соревнования и борьбы. Структура власти при этом воспроизводила структуру отношений «господина и раба».

В основе мультикультурализма, по крайней мере в той форме, в какой он фиксируется в сегодняшних проектах, присутствует структура «Я – Другой и граница». Здесь принципиальной стратегией выступает диалог и коммуникация. Структура власти лежит на действиях различения и достигнутых совместно этических принципах.

Если попытаться в общем виде обозначить проблему, то в данном тексте мы пытаемся обсуждать, каковы те условия, которые позволяют человеческим существам сегодня становиться в наличной культуре субъектами. Основной тезис – необходима смена модусов существования: от модуса отождествления и борьбы к модусу «разделяющих практик» (М. Фуко) и коммуникации. При этом мы отталкиваемся от предпосылки, высказанной профессором А. Олсоном: «Без культурного и религиозного плюрализма глобальное человечество, это только абстракция или пустое определение; но без понимания морали глобальное человечество непонятно» [2].

Наша тема – каковы те условия, которые позволяют индивидууму вступать в контакт с другой культурной традицией. В общем виде наш ответ таков – первой предпосылкой возможности такого контакта является смена отношений со своей традицией. Понимание другой культурной традиции предполагает способность «забывать», переписывать свою традицию и разотождествляться. Как говорил Эрнест Ренан, в основе нации лежит общее забывание и переписывание истории. [3]

Современную ситуацию можно прочесть как педагогическую. Речь идет о внимании к процессу индивидуализации. Как пишет З. Бауман, сегодня стало банальной истиной, что наша индивидуальность является продуктом общества, но обратная сторона этой истины, возможно, заслуживает большего внимания: «форма нашей социальности, как и форма общества, в котором мы живем, в свою очередь зависят от того, как ставится и решается задача «индивидуализации» [4, с. 181]. Бауман так описывает этот феномен. Если говорить более коротко, «индивидуализация» заключается в преобразении человеческой идентичности из «данности» в «задачу» [4, с. 181]. Место человека в обществе, определение его социального положения перестало быть понятием «в себе» и стало понятием «для нас». Оно уже не выступает в качестве подарка. Необходимость стать тем, чем ты являешься, есть черта жизни в условиях модернити. «Модернити заменяет *предопределенность* социального положения принудительным и обязательным *самоопределением*» [4, с. 182]. Эта задача сегодня, согласно анализу Баумана, претерпела изменения. Если раньше задачей большинства самоутверждающихся личностей было вписаться в отведенную нишу, демонстрируя поведение, принятое в

данном сообществе, сегодня и сама ниша, и образцы поведения потеряли четкие границы. Как указывает Г. Буркхард, «среди невероятных построений и языковой путаницы «картины мира», которые мы себе создаем, меняются так быстро, что наше чувство направления не успевает угнаться за этими изменениями» [5]. Именно эта ситуация принципиальной неопределенности порождает то, что называется кризис идентичности.

Кризис идентичности

Сорок лет назад Эрик Э. Эриксон в своем классическом труде выдвинул тезис, в котором обозначил недуг, от которого страдали подростки того времени, – «кризис идентичности». Сам термин был предложен в годы войны и описывал состояния некоторых психических больных, «потерявших представление о самих себе и о последовательности событий». «Кризис идентичности» у взрослого человека, отмечал Эриксон, является патологическим состоянием, требующим медицинского вмешательства; в то же время это распространенная и преходящая стадия нормального развития личности, которая с высокой степенью вероятности естественно завершается по мере взросления подростка. На вопрос, каким должно быть состояние здорового человека, «как ощущается идентичность, когда человек осознает тот факт, что она у него, безусловно, есть», Эриксон ответил: «Она проявляется как *субъективное ощущение некоторой воодушевляющей целостности и преемственности*» [4, с. 186]. Именно утрата этого субъективного ощущения «воодушевляющей целостности и преемственности» и является симптомом феномена, называемого кризисом идентичности. Но если этот феномен в психологии начала – середины XX века фиксировал трудности становления структур взрослости у подростка, сегодня он фиксирует еще и нечто другое – трудности становления структур субъективности в наличной культуре. Эти трудности связаны со становлением мультикультурных обществ. Одной из черт современной ситуации социологи уверенно фиксируют возрастание неопределенности, которая, по словам П. Бурдьё, «присутствует сегодня повсюду» и «преследует человеческое сознание и подсознание» [4, с. 187]. В наше время, по определению З. Баумана, «растекающейся модернити» «не только положение *индивидов*, но и сами места, к которым они могут получить доступ, ... быстро трансформируются и едва ли могут надежно служить в качестве цели чьей-то жизни» [4, с. 183].

Как указал Даниэл Коэн, «тот, кто начинает свою карьеру в компании “Майкрософт”, не имеет ни малейшего представления о том, где он ее завершит. Поступление же на работу в компанию “Форд” или

“Рено”, напротив, предполагало высокую степень уверенности в том, что карьера человека там же и закончится» [4, с. 183–184]. Как пишет Бауман, «сегодня в движение пришли не одни только люди, но также и финишные линии дорожек, по которым они бегут, да и сами беговые дорожки. Утрата четкого места в обществе становится ныне опытом, который может сколько угодно раз повторяться в жизни каждого человека, в то время как лишь немногие, а то и никакие из возможных статусов оказываются достаточно надежными, чтобы можно было говорить о длительном пребывании в них» [4, с. 184].

Кризис личностной, психологической идентичности с началом новой эпохи «модернити», согласно Бауману, изменил не только свой облик, но и содержание. Прежде это была разновидность проблемы, которая стояла перед паломниками: «Как попасть туда-то?». Теперь она больше похожа на вопрос, с которым каждодневно сталкиваются бродяги без определенного места жительства и документов: «Куда мне идти? Куда заведет меня дорога, по которой я иду?». Задача состоит уже не в том, чтобы найти достаточно сил и решимости через пробы и ошибки, победы и поражения идти вперед по утопанной тропе. Она заключается теперь в выборе наименее рискованного поворота на ближайшем перекрестке, в изменении направления до того, как местность впереди окажется непроходимой, или изменится схема дорог, или же пункт назначения переместится в другое место, а то и просто потеряет прежнюю привлекательность. Иными словами, проблема, мучающая людей на исходе века, состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт [4, с. 185].

Кризис личной идентичности сопровождается кризисом социокультурной, национальной идентичности. Можно сказать, что это один кризис, имеющий свою внутреннюю и внешнюю формы.

Кризис социокультурной идентичности

Эта ситуация как современная описана в знаменитом сочинении Сэмюэла Ф. Хантингтона о глобальном столкновении цивилизаций. Как справедливо отмечает В. В. Носков, «в существующей литературе недооценен тот принципиальный факт, что вся историческая концепция Хантингтона построена на понятии «культурная идентичность» [6].

В период мировой истории, наступивший после «холодной войны», «культурная идентичность является тем, что обладает наибольшим смыслом для большинства народов», полагает Хантингтон, тонко

подметив при этом, что народы современного мира открывают для себя не столько новые, сколько «старые идентичности». Растущая мощь «не-западных» цивилизаций стимулирует возрождение их местных, «туземных идентичностей». Главной тезис его книги заключается в том, что «культурные идентичности, которые в наиболее широком смысле представляют собой цивилизационные идентичности», определяют способы взаимодействия народов в современном мире. Выживание Запада в новых условиях зависит, по мнению Хантингтона, от осознания его соотечественниками не американской даже, а более широкой «западной идентичности» [7].

«Цивилизационные идентичности», в его представлении, определяются как объективными факторами (язык, история, религия, обычаи, институты), так и «субъективной самоидентификацией народа». При этом каждый народ обладает различными «уровнями идентичности», целой их иерархией, в которой уровень цивилизационной самоидентификации является наивысшим. В 1990-е годы в мире разразился «глобальный кризис идентичности», полагает Хантингтон. В этой ситуации «устоявшиеся идентичности» постепенно разрушаются, а взамен ведется интенсивный поиск «новых исторических идентичностей». Основным системообразующим фактором в процессе «переопределения идентичностей», по его мнению, выступает религия [8]. Поскольку «идеология и класс приходят в упадок в качестве источников политической и социальной идентичности, – писал Хантингтон в другой работе, – этничность и религия, вероятно, приобретут более важное значение как в развитых, так и в более отсталых странах». Причем в большинстве случаев они превратятся в «альтернативные источники идентичности», которая создаст серьезные проблемы для властей ныне существующих государств [9]. Процесс обретения новых идентичностей неизбежно сопровождается кровавыми столкновениями, так как войны «коренятся в идентичностях народов», причем их жесточенность все более нарастает, доходя до уровня геноцида, поскольку «на кону находятся фундаментальные вопросы идентичности». В связи с этим Хантингтон вводит понятие «identity war», относя к их числу большую часть происходящих в современном мире гражданских войн («identity civil war»). В заключение он предостерегает: неоднократно лидеры тех или иных народов пытались «поменять идентичность их страны с одной цивилизации на другую. Вплоть до сегодняшнего дня ни в одном случае они не добились успеха, а порождали взамен этого шизофренические расколотые страны» [10].

Эти предсказания Хантингтона оказались настолько прозорливы, что и сейчас напоминают

больше фактическое социологическое описание, нежели утопический футурологический прогноз. Они же дают и средства для понимания и описания ситуации.

Пути выхода: стратегии образования

Понятие «идентичность» нередко используется для характеристики современной исторической ситуации в России и Беларуси («кризис идентичности»), а также для описания путей выхода из нее («переопределение содержания коллективных представлений (например, этнокультурной идентичности)»). При этом проблемы идентичности рассматриваются во взаимосвязи с уровнем исторических знаний в обществе и состоянием исторического образования [11].

Мы далеки от того, чтобы предложить развернутую характеристику данного кризиса и тем более анализ путей его решения. Остановимся только на некоторых аспектах этого многогранного процесса. Речь идет о возможных стратегиях образования, способных откликнуться на описанную ситуацию. Оговоримся сразу, мы не разделяем категорического мнения, высказанного Хантингтоном о том, что основными источниками новой идентичности выступят религия и этничность. Мы полагаем, что в условиях становления «открытой или подвижной идентичности» решающее значение скорее приобретут средства массовой информации и образование. Не разделяем мы также тезис, что основной формой взаимоотношений в становящемся мультикультурном обществе обязательно должна явиться война идентичностей. Этому состоянию, по нашему убеждению, есть альтернатива – межкультурный диалог и коммуникация.

Поставив вопрос, что может и что не может сделать образование в ситуации кризиса идентичности в современном обществе, мы попадаем в область теоретизирования относительно условий культурной стабильности или культурных изменений.

В классической социологии, как и в педагогических теориях, принадлежность действующего к культуре или место действующего в структуре считают основной объясняющей переменной. Люди действуют таким образом потому, что принадлежат к определенной культуре и/или обладают определенными ресурсами для этого. Действия людей различны в той мере, в какой различны культуры, носителями которых они являются или различно их место в структуре. Принадлежность индивида к культуре конститутивна и не является предметом их выбора. Нормы, верования и идентичности нередуцируемы к целерациональности. Встает вопрос, что могут и чего не могут сделать индивиды или институты, вроде образования, чтобы изменить культурный, социальный порядок?

В неклассической социологии мы находим положение, что принадлежность к культуре является хотя

бы отчасти результатом действия (Р. Мертон). Любое действие, согласно этой установке, представляет собой совокупность действующих, совокупность ситуаций и совокупность вероятных действий. Оно позволяет поставить вопрос о том, как возможно изменение культурных и социальных порядков средствами образования? Если принять за гипотезу, что культура представляет собой совокупность определенных социально закрепленных систем значений, не только поддерживающих, но и изменяющих те или иные культурные и социальные порядки, то рациональным будет выглядеть вопрос – может ли, и в какой мере, система образования изменить правила игры с заданной системой значений? Альфред Шюц, обсуждая процедуру «принятия на себя» типа поведения, лежащего в основе культурного взаимодействия, писал, что наличный фонд знания представляет собой хранилище явных и имплицитных значений, концепций, процедур, правил, установок, схем понимания и т. д. Может ли образование сегодня предложить практики, которые могли бы научить работать хотя бы с частью названного наличного фонда культуры в направлении его изменения? Наш ответ – да, может. А. Шюц пишет об этом так: «Чтобы сигнализировать, индивиды создают фонды, то есть черпают из упомянутых фондов знания, дабы подготовить или выстроить линию поведения для самих себя. Соответственно, чтобы истолковывать жесты других, индивиды должны овладеть фондами, то есть им приходится брать из своих фондов знания, чтобы “осмыслить” сигналы других. Этот одновременный процесс создания фондов и овладения фондами часто протекает имплицитно и бессознательно. Однако когда сигналы не признаются другими, когда такие сигналы нелегко истолковать или когда мотивы онтологической безопасности, самоутверждения, прироста ресурсов и фактичности не находят удовлетворения, тогда эти процессы создания фондов и овладения фондами [знания] становятся гораздо более ясно выраженными» [12].

В общем виде ответ на вопрос, может ли образование ответить на вызов идентификации, таков. В той мере, в какой современному образованию доступны прагматики культуры, в частности процедуры деконструкции знака, практики «игры значений» и т. п., в той мере мы можем, хотя бы частично, рассчитывать на появление возможности выхода из кризиса идентификации. Ибо в основе стратегии деконструкции лежит открытие новых возможностей смыслового целого. В основе указанной процедуры деконструкции лежит отклонение от социально закрепленной нормы знака – значения. Знак теряет свою непосредственную связь с реальностью и с культурой. Референтом знака начинает выступать не концепт, не смысл и не объект, а иной знак. Знак теряет все

иные элементы своего значения, кроме ссылки на принадлежность к определенной культуре. При этом обнаруживается «случайный характер» указанной связи. Только при этом условии мы можем всерьез говорить о возможности появления феномена «изобретенной традиции», которая и делает возможной появление новой культурной традиции. Любое описание культуры есть ее интерпретация, переписывание с позиций современности, т. е. «изобретение» культуры. Благодаря таким переописаниям, одни порядки, каноны, произведения становятся актуальными и попадают в поле образования, а другие уходят, исчезают за горизонт, растворяются в метафорах. Мы живем в такой культуре, в которой современным может быть доисторическое произведение искусства. Именно современное образование способно дать новые языки описания, пригодные для появления самоописаний новых – старых наций. Решающее значение здесь будет иметь пересамоеписание исторических биографий нации. Как пишет Г. Люббе, «самоидентификация происходит благодаря историям, определяющим нашу историческую индивидуальность» [13].

Итак, первой стратегией образования, направленной на формирование нового круга идентичностей, может выступить такая культурная практика как деконструкция. Второй стратегией, посредством которой образование может участвовать в процессе пересамоеопределения наций, является пересмотр канона текстов, которые формируют коллективные представления нации о себе. Именно они, канонические тексты культуры, положенные в основание образовательных программ, формируют представление новых поколений о ситуации и путях решений возникающих проблем. Едва ли нужно доказывать, что практики обучения традиционному «научному знанию» в принципе неприменимы к такого рода задачам. Это по преимуществу практики, в основе которых лежит работа с кодами и текстами, герменевтическая, символическая, семиотическая, нарративная практики, которые во многом напоминают «языковые игры», описанные Л. Витгенштейном. Особый интерес представляет проблема языка описания новой идентичности [14].

Новая идентичность, проблема описания

Проблема, которую мы хотели бы в заключение обсудить, – как описать тот тип идентичности, который должен прийти на смену.

Мы солидарны с авторами (В. В. Носков и др.), которые указывают на недостаточность таких описаний, как «множественная идентичность» или «мультикультурная идентичность». Подобные описания тавтологичны и во многом бессодержательны. Попытаемся дать более конкретное описание, с использованием

категории нового опыта, который испытывает новое поколение молодых людей. По нашему мнению, удачное описание такого опыта осуществил немецкий автор Хайнер Койп в работе «Без страха быть разными».

Согласно наблюдениям этого автора, повседневная жизнь молодых людей в последние десятилетия претерпела существенные изменения. Этот новый опыт он описывает в десяти категориях.

1. Опыт «потери укорененности» или «утраты онтологической почвы».
2. Снятие разграничения между индивидуальным и коллективным жизненными образцами.
3. Профессиональная занятость как основание формирования идентичности становится шаткой.
4. Фрагментация опыта.
5. Возникновение «виртуальных миров» и «виртуальных сообществ», которые создают всемирную сеть связанных электронным образом коммуникационных путей.
6. Изменение чувства времени; Люббе говорит об опыте «свертывания настоящего».
7. Плюрализация форм жизни и жизненных сред ведет к почти бесконечному изобилию альтернатив.
8. Особая динамика изменений связана с изменением половых ролей.
9. Индивидуализация как противоречие эго-центрации и совместного опыта на основе самоопределения. Индивидуализация означает прежде всего высвобождение из лона традиций и условий, которые в значительной степени направляют собственные действия в духе этих устоявшихся отношений.
10. Утрата веры в «мета-рассказы» и индивидуализированные конструкторы смысла [15].

Основной чертой этого нового опыта автор считает то обстоятельство, что молодой человек сегодня сталкивается с такими ситуациями в жизни, когда он не в состоянии использовать прежние формы культурного опыта, в которых индивидуальный образ жизни «укоренен» в стабильной культурной рамке надежных традиций, предоставляя уверенность, ясность, а также высокий уровень социального контроля. Такой тип идентичности можно было бы назвать «дефицитарная идентичность» (термин Т. В. Тягуновой).

Хайнер Койп разрабатывает проект новой идентичности, которую он предлагает назвать «Patchwork-идентичность» (лоскутная, сборная, разнородная идентичность). Метафора «Patchwork-идентичности» выдвигает в центр повседневную деятельность по выстраиванию идентичности. Идентичность понимается как проект, в котором субъект должен упорядочивать для себя фрагменты опыта. Этот проект в условиях детрадиционализации общества все больше изменяется в сторону собственной активности отдельного субъекта. Основные черты этого проекта таковы.

Белорусский государственный университет
The Belarusian State University

Философия и социальные науки

Научный журнал

The Journal of Philosophy and Social Sciences

2007 – 1

ВЫДАВЕЦ
РЭДАКЦЫЯ ЧАСОПІСА
«ВЫШЭЙШАЯ ШКОЛА»

Адказны сакратар
Г. М. Міхалькевіч
Рэдактар аддзела
В. М. Карэла
Карэктар П. В. Сушкевіч
Дызайн А. Л. Бараню
Камп'ютэрная вёрстка
Н. У. Раготнер

Падпісана ў друк
29.01.2007.
Папера афсетная.
Друк афсетны.
Фармат 60x84¹/₈.
Наклад 100. Зак. 74

Наш адрас:
220001, г. Мінск,
вул. Маскоўская, 15, п. 111.
т. 213-11-63, 213-14-20
e-mail: HSCHOOL@tut.by
р/р 3015206750017
у гарадской дырэкцыі
Белінвестбанка
г. Мінск, код 764

Редакционный совет: Стражев В. И. (председатель), Зеленков А. И. (зам. председателя), Бабосов Е. М., Баль К., Елсуков А. Н., Вишневецкий М. И., Данилов А. Н., Журавлев А. Л., Кирвель Ч. С., Клыня В. Л., Тощенко Ж. Т.
Editorial council: Strazhev V. (chairman), Zelenkov A. (vice-chairman), Babosov E., Ball K., Elsukov A., Vishnevsky M., Danilov A., Zhuravlev A., Kirvel Ch., Klyunia V., Toschenko Zh.

Редакционная коллегия: Рубанов А. В. (главный редактор), Легчилин А. А. (зам. главного редактора), Доброродный Д. Г. (отв. секретарь), Безнюк Д. К., Дынич В. И., Гусаковский М. А., Новиков В. Н., Новиков В. Т., Румянцева Т. Г., Ротман Д. Г., Слепович Е. С., Терещенко О. В., Титаренко Л. Г., Фурманов И. А., Шумская Л. И.

Editorial board: Rubanau A. (editor-in-chief), Legchilin A. (deputy editor-in-chief), Dabrarodni D. (executive secretary), Beznyuk D., Dynich V., Gusakovskiy M., Novikov V., Novikov V., Rumyantseva T., Rotman D., Slepovich E., Tereschenko O., Titarenko L., Furmanov I., Shumskaya L.

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь
24 октября 2006 г. Свидетельство о регистрации № 2506.
*The journal was registered in the Ministry of Information of the Republic of Belarus
in October, 24, 2006. The certificate of registration number 2506.*

Издается с 2007 г.
Founded in 2007

Выходит 4 раза в год
Issued quarterly

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал включен в перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования научных исследований по философским, социологическим и психологическим наукам.
According to the decision of the State Supreme Certifying Committee the journal is included into the list of scientific publications of the Republic of Belarus for publishing the results of scientific research in the sphere of philosophical, sociological and psychological sciences.